

У Цайэ, ругаясь на старую служанку, хотела лишь одного — чтобы Чжао Циншу подумал, будто она вовсе не скупа. Служанка ни с того ни с сего оказалась крайней, взяв на себя этот чёрный грех, и, разумеется, была этим недовольна:

«Госпожа, да вы мне одни медяки дали — где ж мне на них купить хорошую курицу да приличное мясо?!»

У Цайэ тут же снова обругала её:

«Старая карга, марш на кухню, готовить!»

Лишь тогда служанка, взяв покупки, пошла готовить. Уже в кухне она ещё пару раз выругалась себе под нос.

Не думайте, будто она не понимала, что задумала эта У Цайэ. Она просто решила зацепиться за учёного. Чжао Циншу-то, может, и не знал, а она прекрасно помнила: раньше, когда господин Сун отправлял семье Чжао серебро на учёбу, У Цайэ до скандалов доходила — так ей было жаль тратить деньги на постороннего.

А после того как Чжао Циншу сдал экзамен и стал туншэном, его сразу же обручили с Сун Нин, и тогда недовольство У Цайэ только усилилось. Каждый раз по праздникам, когда Чжао Циншу приходил с подарками, она не упускала случая показать ему своё презрение, ехидно намекая, что он живёт за счёт семьи Сун.

Теперь же, когда Чжао Циншу стал сюэем, а эта помолвка оказалась расторгнута, он вдруг снова превратился в её "хорошего зятя".

Служанка бормотала себе под нос:

«Да и сам этот Чжао Циншу не лучше. Позарился на двадцать лянов приданого семьи Сун. Раньше господин к нему по-доброму относился, а он — неблагодарный волк с белыми глазами. Тьфу!»

Все они похожи друг на друга, так почему же кто-то должен смотреть на кого-то свысока?

За столом в доме Сун, Чжао Циншу усадили на почётное место. У Цайэ суежилась вокруг него с показной заботой, расспрашивая о планах на будущий год и об экзамене на цзюйжэня:

«Циншу, ты уж постарайся как следует. Не подведи старания нашей семьи Сун».

Слова У Цайэ были Чжао Циншу неприятны. Все эти годы он жил на средства господина Суна, а затем ещё и думал обручиться с Сун Нином. Однокашники не раз насмеялись над ним, мол, он живёт на содержании у "братца".

Теперь же У Цайэ, говоря такое, без сомнений, нарочно задевала его больное место. Чжао Циншу чувствовал, будто ему в открытую напоминают об оказанной милости, требуя расплаты, и от этого на душе становилось всё тяжелее. К тому же эта Сун Баочжу была грубой и вульгарной — он её вовсе не любил. Но что поделаешь, если за ней шло такое богатое приданое.

Сердце Чжао Циншу было полно горечи, и всё яснее он понимал: в жизни редко удаётся получить всё сразу. Вот если бы он женился на Нин-гэ — вот это было бы счастье. Сегодня он видел, как Нин-гэ выдали замуж за нищего охотника, и тогда Чжао Циншу твёрдо решил: когда

в будущем он сдаст экзамен и станет цзюйжэнем, он непременно возьмёт Нин-гэ в жёны — второй, равноправной супругой.

Тогда, сколько бы ни шумела Сун Баочжу, она уже не сможет держать его в своих руках.

После обеда Сун Нин с Вэй Ху посидели ещё немного и стали собираться в дорогу. Бабушка Чжан ни за что не хотела принимать яйца и курицу, которые принёс Сун Нин. Тот тоже упирался, и они ещё долго спорили, пока Сун Нин наконец не согласился забрать курицу обратно.

Лишь тогда бабушка Чжан успокоилась, а напоследок ещё и сняла в кухне связку вяленого мяса, положив её в узел, да вдобавок упаковала два свёртка с сушёным лонганом и красными финиками.

Вэй Ху снова привязал к себе большой узел с книгами Сун Нина, а корзина, которую тот нёс на руке, была набита доверху. Бабушка Чжан с ещё двумя людьми проводили их до дверей:

«Идите не спеша. Будешь в городе — не забудь заглянуть к старухе».

«Заходите в дом, бабушка» - отозвался Сун Нин. «У меня всё хорошо».

Поездка в город сегодня порадовала Сун Нина: он был сыт и доволен, и потому они с Вэй Ху не торопясь направились к выезду из города.

«Бабушка Чжан ко мне очень добра» - сказал Сун Нин. «Ещё пару лет назад брат Банцзы звал её к себе, чтобы она жила в достатке, но она не смогла меня бросить и осталась. А когда отец умер, тем более не захотела уходить. Только когда я вышел замуж, она согласилась вернуться домой».

«Угу» - внимательно выслушав, отозвался Вэй Ху. «В следующий раз, как поедем в город, я с тобой зайду проведать бабушку Чжан».

Сун Нин закивал, улыбнувшись Вэй Ху. Пусть он и вышел замуж в деревню, но Вэй Ху относился к нему по-настоящему хорошо.

Они вместе дошли до городской заставы. На этот раз Вэй Ху ни за что не согласился ехать на бычьей повозке — он лишь положил на неё узел с книгами. За перевозку этого узла пришлось заплатить целых три медяка.

Сун Нин, будучи человеком сообразительным, прекрасно понимал причину и потому мог лишь уступить.

Дома Чэнь Цуйхуа, увидев, сколько всего они принесли, ахнула: вторая жена отца Сун Нина вовсе не походила на столь щедрую хозяйку.

«Это что ж вы курицу обратно принесли? Да ещё и вяленое мясо...»

Сун Нин рассказал, как всё было сегодня. Чэнь Цуйхуа, слушая, так смеялась, что хлопала себя по бёдрам, приговаривая лишь, что надо было предупредить её заранее — тогда бы она приготовила чего-нибудь вкусного для детей.

«И правильно, что ей ничего не дали. Твоя мачеха — чёрствое сердце» - добавила она.

Сходили один раз — и, видно, больше общаться не будут. Пусть семья и зажиточная, городская,

но Чэнь Цуйхуа и не думала к ним липнуть: нет таких родственников — и ладно, всё равно люди они нехорошие.

Тут она увидела, как Вэй Ху осторожно поставил на стол большой узел. В этот момент она как раз шила Сун Нину зимнюю одежду, и, заметив такую поклажу, подошла ближе:

«А это что такое?»

«Мам, это мои старые книги» - ответил Сун Нин.

Вэй Ху развязал простыню — внутри оказались книги Сун Нина, их было несколько десятков. В доме семьи Сун они собирались в спешке, потому всё сложили разом, и теперь книги были навалены в одну кучу.

Чэнь Цуйхуа ахнула:

«Да тут столько книг! Нин-гэ, так ты ещё и грамоте обучен?»

«Пока отец был жив, он несколько лет водил меня в учебную школу» - спокойно ответил Сун Нин.

Чэнь Цуйхуа была поражена:

«Батюшки мои... столько книг! Смотри, береги их как следует, не дай бог испортятся. В нашей деревне сроду не слыхали, чтобы гер или девица грамоту знали. Вот уж действительно — диво дивное».

«Мам, я и сам знаю всего несколько иероглифов» - скромно сказал Сун Нин.

«И это большое дело» - отозвалась Чэнь Цуйхуа. «У нас в деревне разве что у старосты да у плотника дети в городе учатся, грамоту знают. Деревенским семьям не по силам содержать учеников: обычно пару лет поучатся, лишь бы читать научиться, да и бросают».

В деревне к учёным людям относились с почтением. Чэнь Цуйхуа и представить не могла, что Сун Нин окажется грамотным — да ещё и её невестка будет человеком с образованием. И чем больше она думала об этом, тем сильнее ей казалось: если бы не злая мачеха, как такого хорошего ребёнка вообще могли бы отдать замуж в их дом?

Чэнь Цуйхуа никогда не видела столько книг. Она осторожно взяла одну и раскрыла — внутри были сплошные строчки иероглифов, ни одного знакомого. И всё же, просто держа книгу в руках, она радовалась безмерно.

Сун Нин выбрал одну из простых книг:

«Мам, вот эту посмотри — тут есть картинки».

Чэнь Цуйхуа взяла её и увидела внутри живо нарисованных человечков.

«Ой, так в книге ещё и люди есть!»

Она впервые держала книгу в руках и радовалась, как ребёнок, бережно прижимая её к груди, боясь даже чуть помять страницы.

«И подумать не могла, что мне, простой крестьянке, доведётся когда-нибудь держать книгу» -

рассмеялась Чэнь Цуйхуа. «Надо их хорошенько сохранить. Потом, когда у тебя с Ху-цзы дети появятся, можно будет и нашим деткам их показывать».

Сун Нин от этих слов слегка покраснел. Забирая книги, он и не думал так далеко вперёд — просто не мог расстаться с тем, что любил. Но, услышав слова матери, понял: она права. Учёба требует немалых денег, а когда у него с Вэй Ху появятся дети, он сможет сам научить их читать и писать.

Сун Нин принялся разбирать книги в главной комнате, а Вэй Ху пошёл прибирать восточную. Там хранились сельскохозяйственные орудия и собранный рис. Вэй Ху вынес инструменты наружу и сказал:

«Нин-гэ, давай твои книги поставим в восточной комнате. Я приберу её и сделаю тебе там что-то вроде кабинета».

Пусть Вэй Ху был человеком грубым и неграмотным, сердце у него оказалось удивительно чутким.

Сун Нин улыбнулся, прищурив глаза:

«Спасибо тебе, Вэй Ху».

Чэнь Цуйхуа больше не стала продолжать шить, она с удовольствием пошла помогать Вэй Ху прибирать восточную комнату. Закончив, она хлопнула в ладони:

«В доме у нас и стола письменного нет. Я ещё видела, в книжных лавках у людей и полки для книг стоят. Вэй Ху, сходи к плотнику, закажи стол со стулом да книжную полку — пусть Нин-гэ пользуется».

«Мам, не надо» - поспешил возразить Сун Нин. «Мне и нашего обеденного стола хватит».

Он боялся лишних трат. Только переехал в дом Вэй — и одежду покупали, и с визитом в родительский дом ездили, денег и так ушло немало. Где уж тут ещё столы да полки заказывать.

Чэнь Цуйхуа мягко похлопала Сун Нина по руке:

«Ты с детства жил в достатке, да ещё и грамоту знаешь. Мать понимает: выйдя за Вэй Ху, ты многое потерял. Свадьбу мы толком не справили — так что сделать стол да стул вовсе не разорение».

Сердце Сун Нина наполнилось теплом:

«Спасибо тебе, мама».

«Ну что ты» - улыбнулась Чэнь Цуйхуа. «Мы же теперь одна семья».

Восточная комната была просторной и светлой. Вэй Ху вынес весь хлам в хлев за домом, и в комнате остались лишь аккуратно сложенные мешки с рисом, их решили оставить в кабинете Сун Нина.

Сун Нин был искренне рад. Пока что книгам не нашлось места, и он сложил их на деревянный сундук у кровати — когда стол и полки будут готовы, он перенесёт всё в восточную комнату.

Привезли они не только книги, кисти, тушь и бумагу, но и рисунки, которые Сун Нин писал раньше. Все они были уже оформлены. Стоило ему развернуть их, как Чэнь Цуйхуа тут же заахала:

«Нин-гэ, так это тоже ты рисовал? Вот уж умелец!»

«Да так... раньше, когда делать было нечего, баловался».

«Как же красиво! Ху-цзы, ты посмотри — правда ведь, Нин-гэ замечательно рисует?»

Вэй Ху согласно хмыкнул:

«Очень хорошо нарисовано».

Чэнь Цуйхуа улыбнулась:

«А у нас в главной комнате ведь ничего не висит. Я видела, у старосты в зале картина есть — так она и вполтину не такая тонкая, как у тебя. Вот эта пейзажная подойдёт — и большая, как раз повесим в середине».

Сун Нин решил, что мать просто хвалит его, желая порадовать, и потому не возражал, когда картину решили повесить в зале.

Вэй Ху, услышав это, подтащил табурет и начал вынимать из стены гвозди. Центральная стена зала была прямо напротив входа — всякий, кто заходил в дом, сразу её видел. В деревенских домах обычно стены были пустыми, и лишь в более зажиточных семьях позволяли себе повесить картину в центре зала.

Такие картины стоили недёшево: дешёвые — один-два ляна, дорогие — по несколько десятков, а то и больше сотни. Где уж деревенским это тянуть? Грязь под ногтями, а туда же — изображать из себя учёных и утончённых, ещё и на посмешище попадёшь.

Чэнь Цуйхуа выбрала самую большую пейзажную картину и повесила её точно по центру зала. В длину она была около полуметра — на стене казалась уже не такой внушительной и даже выглядела чуть по-деревенски скромно.

Сун Нин достал ещё одну аккуратно оформленную пару парных надписей:

«Мам, у картины в центре зала по бокам обычно вешают дуйлянь. Давай и их повесим».

Чэнь Цуйхуа улыбнулась:

«Ладно. И правда, без них как-то пустовато выглядит. Ху-цзы, снимай ещё два гвоздя».

Вэй Ху вынул ещё два гвоздя и повесил парные надписи по обе стороны картины. Теперь вся композиция выглядела куда более торжественно и внушительно. Чэнь Цуйхуа с довольным видом оглядела стену:

«Смотрю, и в нашем доме теперь появилось это... как его... аромат какой-то. А, точно! Книжный дух, ха-ха!»

Сун Нин тоже улыбнулся — его ещё никогда так не хвалили.

Закончив с картинами, Вэй Ху отправился в деревню к плотнику Ма заказать письменный стол

и прочую мебель.

<http://bllate.org/book/15163/1395528>